

ИНТЕРВЬЮ.СЕВЕР

"Еврейские шуты при советской власти". Книга Юрия Векслера "Мы так смеялись..."

Север. Реалии

менее минуты назад

Книга Юрия Векслера "Мы так смеялись"

В лейпцигском издательстве ISIA Media Verlag вышла книга журналиста, режиссера, театрального деятеля Юрия Векслера "Мы так смеялись" о советских и российских сатириках – артистах и писателях.

Север.Реалии поговорили с автором о природе еврейского юмора, о том, почему Михаила Жванецкого любили даже в КГБ, и какой смех предотвращает расчеловечивание.

Юрий Векслер (справа) и Виктор Шендерович на презентации книги "Мы так смеялись" на Берлинской книжной ярмарке (2026)

"Еврейский шут в чужом пространстве"

"Совсем недавно я был осчастливлен, узнав от сына, что моя младшая одиннадцатилетняя внучка, родившаяся в Германии, понимает и любит Аркадия Райкина по видеозаписям. А я как раз от него отсчитываю восторженное открытие для себя сценического юмора. ... До Райкина меня восхищал юмор моего остроумного папы, отец которого, мой дедушка Абрам, в свою очередь был изгнан раввином из синагоги за пересказ во время молитвы анекдотов, как правило неприличных... Такова моя наследственность..." – пишет Юрий Векслер в своей книге "Мы так смеялись".

Сам он определяет ее как "штрихи к портретам гениев смеха и другие истории". Так вышло, что многих из этих гениев он знал лично. А в самом начале книги Векслер вспоминает принца Гамлета с черепом шута Йорика в руках: образ шута – ключевой. Только шут этот, по большей части, в его книге – еврейский.

– Как-то Гриша Горин сказал: "Я написал уже Тиля, голландского шута, Балакирева, русского шута, а сейчас пишу для театра "Гешер" пьесу про еврейского шута". Еврейский шут в чужом пространстве – это и есть моторчик для меня. Хотя, например, Войнович говорил: "Да, я еврей по маме, но я не чувствую себя евреем". А вот шутком он себя пару раз назвал. Наверное, иногда ощущал себя шутком и Юлий Ким. А евреем из всех моих героев открыто признавал себя только

Юрий Векслер

Жванецкий. Но никто никогда не мог забыть о своем еврейском происхождении. Вот, например, два милых мальчика приносят в редакцию рассказ. "Ребята, как вас зовут?" – "Офштейн и Штейнбок", это Арканов и Горин. Им говорят: "Не, ребята, при всей к вам симпатии, надо взять псевдоним". Горенштейну в юности тоже предлагали, он отказался, и Жванецкий – настоящая фамилия, но очень многие на это пошли, такова была советская действительность, – говорит Юрий Векслер.

Григорий Горин

Еврейская тема – не основная в книге, но представлена она очень ярко. А само название появилось из анекдота:

"Советские солдаты входят в еврейское местечко, оставленное немцами. Людей не видно, но вскоре солдаты натываются на бредущего по дороге старика.

– Дед, а где все, где люди?

– Где все, где все... Убили! Всех убили! Мою Ривочку убили, Моничку тоже, Семочку – всех! Всех убили! А когда уходили, их главный бросил мне: "А до тебя, старый разбойник, мы

еще доберемся!" Это я-то старый разбойник?! Ой-ой-ой! Мы так смеялись!.. Мы так смеялись!.."

– Геннадий Хазанов часто рассказывает, как он страдал от антисемитизма. Но, в основном, эта компания сатириков – они всё знали, но плевали на это. Как Ширвиндт, например. Это была часть воздуха, но думать об этом, говорить – вот тут меня ущемили, не приняли туда, сюда – никто этого не делал. Они боролись и выигрывали. И эта книжка не об антисемитизме, она о жизни еврейских ребят, умевших писать смешное, которые преодолевали препоны редакторов и цензоров и делали своё смешное дело. Поэтому для меня они еврейские шуты при советской власти.

"В начале перестройки историку культуры [Юрию Лотману](#) пришла во время публичного выступления записка из зала...: "Скажите, почему в Библии речь все

время идет исключительно о евреях, а о русских не говорится ни слова?" Лотман выдержал паузу и ответил, отложив записку в сторону: "По техническим причинам". Из книги Юрия Векслера "Мы так смеялись..."

Любимая передача жены Брежнева

Еще один герой книги, правда, коллективный – известная в свое время телепередача "Кабачок "13 стульев"", в создании которого Юрий Векслер успел немного поучаствовать.

Ведущий программы телевизионного театра миниатюр "13 стульев" М. Державин, 1978, Москва. Фото Н. Агеева и А. Агеева /Фотохроника ТАСС/.

– Я никогда не был поклонником этой передачи, но так вышло, что написал тексты для одного выпуска. "Кабачок" выезжал за счёт того, что там было немножко про иностранную жизнь, все обращались друг к другу: "пан", "пани", это притягивало. Ну и песенки на польском, привлекательные женщины танцуют, подпевают. А шутки, как правило, дурацкие. Я знаю, что "Кабачок" хотели закрыть, но это была любимая передача жены Брежнева, как же она останется без "Кабачка"?

Леонид Утесов и Михаил Ширвиндт (справа)

В главе "Антиюбилей Леонида Утёсова" Векслер приводит расшифровку фонограммы праздничного вечера, который состоялся в 1981 году с участием Райкина, Ширвиндта, Жванецкого и других тогдашних звезд. Присутствовавшая на юбилее "лубянская часть зала", назовет вечер "сионистским шабашом".

"Утёсову было 86 лет, дата некруглая. Может быть, этот факт и навел на идею "анти", но скорее, это изобретение людей с повышенной юмористической ответственностью... Первый "Антиюбилей" был устроен для Ростислава Плятта, и с него уже начата была традиция: героя вечера, антиюбиляра, развлекать шутками.... Капустник, междусобойчик, но с публикой. ...Никакой официальнойщины... "Юмор восстанавливает то, что разрушает пафос", писал Станислав Ежи Лец... Удивительное, к слову, высказывание, в котором "пафос" мыслится как "разрушитель". Перед Утёсовым стоял включенный микрофон, но Леонид Осипович ...комментировал как бы про себя... и все могли слышать, какие шутки у Утесова, так сказать, "прошли". Смеялся он, задавая тон, весь вечер..." Из книги Юрия Векслера "Мы так смеялись..."

Хотя почти вся советская сатира – "это, в общем, небольшая разрешенная фронда, но между строк очень многое читалось", – считает Векслер.

– В своем замечательном выступлении на этом же вечере Зиновий Паперный сказал: тут говорят, что смех помогает нам жить и работать – это они путают его с песней Утёсова, которая "нам строить и жить помогает". А смех помогает нам не жить и работать, а выжить, несмотря на всё то, что мешает нам жить и работать.

Это и есть жизненная концепция этих шутов. Так они смешили и население, и партию, и правительство, и Леонида Ильича, который приглашал Хазанова и держал в комнате магнитофон с записями Жванецкого. В итоге они вписывались в эту роль, не показывая изнанку политики – так вообще-то и должен делать шут. Никакие разговоры про политику Брежнева или про диссидентов туда не попадали. Хотя политика у них тоже была, но в неявном, скрытом виде. И было немало дерзости.

|"Дежурный по стране"

Отдельная глава в книге Векслера посвящена Михаилу Жванецкому.

– Он интересно говорил: "Я пью всегда до состояния ликования". Это примерно 125 г. Переберёшь, уже будет не то. Поймав волну доброжелательного ликования, он мог произнести всё, что угодно. На этой волне было совсем не мало критики разных моментов устройства советской жизни. Но он не был врагом, он был своим для всех.

"Его какое-то время не пускали на ТВ, и он выступал по организациям. В него влюблялись... с первого же впечатления практически все и везде. Над креслом, в котором отдыхал Брежнев, висел на дереве портативный магнитофон с записями Жванецкого. Однажды, уже, конечно, во времена перестройки, Жванецкого пригласил один отдел КГБ, и, прежде чем ввести в зал, молодой чекист, поклонник ММ, сказал ему: "Дорогой Михал Михалыч! Можете читать всё, что хотите, здесь все свои!"... Жванецкий не собирается уезжать. Там моя совесть. Я как врач возле больных. Ну не могу я! Я держал только что за пульс. Ну, допустим, стало лучше. И я же отвалил. Он меня ищет рукой, а меня нет. Мне как-то неудобно. Я вот буду сидеть. Одесса и Москва. Одесса, которая дала мне жизнь, Москва, которая дала мне культуру..." **Из книги Юрия Векслера "Мы так смеялись..."**

Векслер считает, что в последних текстах Жванецкого интонация уже сильно поменялась.

– Они были больше поэтическими, это уже были такие стихи в прозе. И они уже не смешные, они окрашены пониманием, что остаётся очень мало времени. И он при этом остался со своими российскими слушателями, играл свою роль, свою скрипку до конца. Как это перекликается с нынешними спорами уехавших и оставшихся! Но доживи он до обстрелов Одессы, думаю, он не смог бы остаться в Москве. Хотя для него отъезд был бы огромной трагедией. Поэтому, видимо, вовремя забрал его Всевышний. Он этого ничего не увидел.

– У вас в книге вообще много об Одессе, и сейчас, когда ее так бомбят, это с особенным горестным чувством читается.

– Там есть ключевой для меня момент, последняя передача Жванецкого "Дежурной по стране" – он уже болен. И его мужик какой-то спрашивает – я давно живу в Америке, уже выхожу на пенсию, а вы нам говорили, что просигналите, когда можно возвращаться обратно. Жванецкий отвечает: "Я пока ещё думаю". То есть он понимал, в какой стране живёт. Он в 85 лет провел последний вечер в зале Чайковского так, что понять, что он смертельно болен, было невозможно. После этого, собственно, он лёг и умер – выйдя в последний раз на публику.

– И, все-таки, вся эта дозволенная властями сатира, все это "шутовство" – что-то они способны были поменять в жизни своих слушателей, читателей?

– Они удерживали от расчеловечивания. Последним на этом форпосту был Жванецкий. Примерно так он понимал свою функцию в "Дежурном по стране". Это была его миссия. И миссия всех этих "шутов". Вряд ли они, пришедшие на волне 60-х, оттепели, прямо так думали, но они сыграли эту роль. Они ушли, а за ними никого нет, и сегодня, как у Окуджавы, "хоть сауна напротив, да фауна не та". Когда меня спрашивают, смотрю ли я современных стендаперов, я говорю: "Нет, не смотрю. Верю, там есть талантливые люди, но это другое время и немножко другая функция". А те, ушедшие, были врачевателями, уж простите за пафос, не случайно некоторые из них и были врачами по профессии.

|"Коллективный смех неопровержим"

Писатель Виктор Шендерович, участвовавший в презентации книги "Мы так смеялись" на Берлинской книжной ярмарке, считает, что Векслеру удалось показать природу советского смеха.

– И это для меня важнее всего: как это было, над чем смеялись. Ницше говорил: "Смех – последнее прибежище раба". Восстать нельзя, но можно рассмеяться. А коллективный смех – уже не рабский смех. Анекдот на кухне у себя дома, для своих, это одно. Когда это аудитория 100, даже 50 человек, это уже общественное явление. Это очень любопытный момент – поэтому Гоголь говорил про театр, что это кафедра. Потому что коллективный смех неопровержим. Ты не один смеялся тихонечко в кулак над Брежневым у себя дома. А если рассмеялись 50 человек, это уже несогласованный митинг.

При этом, Аркадий Райкин так и остался советским сатириком. Он искренне гордился дружбой с Брежневым, с которым дружил с войны, он выступал еще на Малой Земле. Райкин был советским социальным сатириком. Он боролся с тем,

что мешает нам жить, это его формулировка. Борьба с недостатками – советская формула сатиры.

– *Отдельными...*

– Конечно – мы же успешно строим коммунизм, но есть ещё недостатки. Вообще, смех ведь – это контекстная вещь. Юмор умирает первым, если он привязан к конкретике, к контексту – а вне контекста юмора не существует. Ты, например, сегодня цитируешь что-то из Жванецкого, и не смешно. А ты помнишь, как хохот разрывал аудиторию. Самое классическое для меня – что министр мясной и молочной промышленности есть и очень хорошо выглядит. Но сегодня это не смешно. А в 1983 году, когда я это услышал на пляже в Пярну, люди в море не шли в жару, чтобы не пропустить слово из магнитофона, лежавшего на песке. Вот так уходит контекст. А лучшее, что написано Жванецким, это, конечно, лирические вещи и они навсегда. То, что "корабль под моим командованием не выйдет в нейтральные воды... Из наших не выйдет!", это уже совсем другой этаж.

Виктор Шендерович

То, над чем смеются люди, очень точно описывает общество, – считает Виктор Шендерович.

– Я вспоминаю историю середины 1980-х, еще до Горбачёва, но уже на излёте советской власти. Семинар сатиры и юмора ведет замечательный фельетонист Леонид Лиходеев, в 1950-е годы вернувший фельетон после 30-летнего обморока в русскую литературу. А у него занимались молодые – Коркия, Иртеньев. Кабаков. Послушав их тексты, он сказал задумчиво: "Эти ребята не будут бороться с отдельными недостатками. Они хотят снести контору". Это другой экзистенциальный уровень, другая точка обзора. Но все они были вместе в одном советском времени: кто-то писал монологи для Райкина, Филипенко читал Довлатова, Захаров ставил Горина, Жванецкий писал свои классические монологи. И ценность книги Векслера в том, что он показал эволюцию этой сатиры и этого смеха, и их природу.

[Культура](#)

[Регионы](#)

[Интервью.Север](#)

Радио Свобода © 2026 RFE/RL, Inc. | Все права защищены.